

СЕКРЕТНО.

ЗАПИСЬ ЗАСЕДАНИЯ

8 февраля 1945 г. в 16 час. 00 мин.

в Ливадии.

Присутствуют со стороны СССР: т.т. Сталин, Молотов, Вышинский, Майский, Гусев, Громико, Павлов.

Со стороны Великобритании: Черчилль, Иден, Кадоган, Керр Бриджес, Берс, Вильсон, Диксон, Джеб.

Со стороны США: Рузвельт, Гопкинс, Стеттиниус, Гарриман, Метьюс, Бернс, Болен, Хисс.

Рузвельт заявляет, что, как он думает, министры иностранных дел успешно закончили порученную им работу и предлагает Идену доложить о достигнутых результатах.

Иден сообщает, что министры иностранных дел рассмотрели вопрос о дате созыва конференции, о членстве в Международной Организации, о предоставлении 2-3 советским республикам прав членов-инициаторов, а также вопрос о том, какие страны должны быть приглашены на учредительную конференцию. Было решено рекомендовать созвать конференцию 25 апреля 1945 г. в США. Принято неокончательное решение о том, чтобы пригласить на конференцию членов Об"единенных Наций, т.е. те страны, которые подписали декларацию Об"единенных Наций на такое-то февраля 1945 г. Конференция должна будет установить список первоначальных членов Международной Организации. При этом делегаты Великобритании и Соединенных Штатов поддержат СССР в том, чтобы в числе первоначальных членов Организации были две советских республики. Рассмотрение всех деталей приглашения поручено специальной подкомиссии.

Тов. Сталин заявляет, что у него имеется список государств, которые об"явили войну Германии. Означает ли, что все они будут включены в число членов Ассамблеи? 10 из названных стран не имеют дипломатических отношений с Советским Союзом. И Советский Союз должен будет вместе с ними строить международную безопасность! Может быть, обязать эти страны установить отношения с Советским Союзом? Или имеется какое-либо другое предложение? Не поручить ли изучить этот вопрос специальной подкомиссии?

Рузвельт отвечает, что имеется несколько стран, которые стремятся к установлению отношений с Советским Союзом, но пока еще не сделали этого. Есть и такие страны, которые отношений с СССР не устанавливают, т.к. в них сильно влияние католической церкви. Нужно однако иметь в виду, что государства, не установившие отношений с Советским Союзом, участвовали вместе с Советским Союзом в Конференциях в Бретон Вудс и Атлантик Сити.

Тов. Сталин говорит, что трудно строить безопасность с теми государствами, у которых нет отношений с Советским Союзом.

Рузвельт заявляет, что самым лучшим способом заставить эти страны установить отношения с СССР будет приглашение их на Конференцию. Далее Рузвельт касается одного вопроса, который, как он говорит, имеет свою историю. Три года тому назад Самнер Уэллс, исполнявший тогда обязанности государственного секретаря, посоветовал некоторым южно-американским республикам не объявлять войны Германии, а только порвать отношения с ней. Республики последовали американскому совету. В дальнейшем они много помогали Соединенным Штатам (напр., давали им сырье). Репутация их хорошая. Месяц тому назад Рузвельт послал письмо 6 президентам южно-американских республик, в котором писал, что, если они хотят быть приглашены на Конференцию, то должны объявить войну Германии. Эквадор уже сделал это, но не успел еще подписать декларации Об"единенных Наций. Парагвай объявит войну Германии через 10 дней и в недалеком будущем так же поступят Перу и Венесуэла. Американскому правительству будет неудобно не пригласить все названные страны на Конференцию после того, как они выполнили совет американского правительства, хотя по совести этот совет был ошибкой.

Тов. Сталин спрашивает, как обстоит дело с Аргентиной?

Рузвельт отвечает, что Аргентины нет в том списке, который был вручен Стеттиниусом Молотову.

Тов. Сталин говорит, что ведь Аргентина также порвала отношения с Германией.

Рузвельт заявляет, что Аргентина не признана в качестве одной из Об"единенных Наций.

Тов. Сталин отвечает, что он, конечно, не за Аргентину.

Наоборот, он не любит ее. Но он хотел бы обратить внимание на то, что если на конференцию будут приглашены не только страны, об"явившие войну, но и "присоединившиеся", то под эту формулу могут также подойти Аргентина, Турция и некоторые другие. Тов. Сталин думает, что странам, действительно воевавшим с Германией, будет обидно сидеть рядом с теми, которые колебались и жульничали в течение войны, а потом в последний момент об"явили войну Германии. Надо провести различие между теми и другими странами.

Черчилль говорит, что, как он думает, страны указанной категории до получения приглашения на конференцию должны об"явить войну Германии. Он согласен с тем, что некоторые из этих стран играли довольно плачевную роль, выжидая, кто окажется победителем. Однако, мы все-таки не должны упускать из виду, что на Германию произведет удручающее впечатление, если еще одна группа держав об"явит ей войну. Другие вражеские страны также увидят, что весь мир воюет против них, и это может оказать на них сильное влияние.

Рузвельт заявляет, что он хотел бы добавить к списку приглашаемых Исландию.

Черчилль замечает, что в отношении Египта Правительство Его Величества чувствует особую ответственность, так как Египет два раза выражал желание об"явить войну Германии и Италии. Однако, британское правительство посоветовало Египту не делать этого, так как сохранение Египтом нейтралитета, позволило предотвратить воздушные бомбардировки Каира. Кроме того, англичанам с разных точек зрения был выгоден нейтралитет Египта. Когда враг находился в 30 милях от Александрии, египетская армия помогала союзникам, охраняя мосты, линии связи. Египет был более полезен при сохранении нейтралитета, чем если бы он об"явил войну Германии и Италии. Конечно, если сейчас Египет захочет об"явить войну, британское правительство не будет возражать. Исландия также сыграла полезную роль в то время, когда еще Соединенные Штаты не вступили в войну. Исландия допустила американские войска в свою страну, тем самым нарушив свой нейтралитет. Исландия обеспечивала линию коммуникаций союзников. Черчилль думает,

что у обеих названных стран имеется основание для участия в Конференции, если они об"явят войну. Союзники должны дать им такую возможность. Черчилль хотел бы знать, имеется ли намерение допустить на Конференцию все те державы, которые об"явят войну до 1 марта?

Тов. Сталин отвечает на вопрос Черчилля положительно и прибавляет, что исключение должно быть сделано лишь для тех наций, которые воевали против союзников, а теперь об"явили войну Германии. Речь идет о Болгарии, Венгрии, Румынии и др.

Рузвельт и Черчилль отвечают, что, конечно, о приглашении этих стран не может быть и речи.

Черчилль говорит, что в числе приглашенных не будет также Эйре. С другой стороны, он, Черчилль, должен высказаться за приглашение Турции, хотя, может быть, это предложение и не встретит всеобщего одобрения. Турция заключила с Англией союз еще до начала войны в очень опасное время. Когда началась война, турки считали, что их армия недостаточно хорошо вооружена для современного типа войны. Тем не менее позиция Турции была дружественной и полезной во многих отношениях. Турки даже предлагали англичанам помощь, хотя англичане не воспользовались этим предложением. Черчилль задается вопросом: не следует ли туркам дать возможность раскаяться на смертном одре?

Тов. Сталин отвечает, что, пожалуй, Турцию следует пригласить, если она об"явит войну Германии до конца февраля.

Рузвельт и Черчилль выражают с этим свое согласие.

Рузвельт говорит, что Дания была оккупирована немцами в течение суток, король был взят в плен, парламент был закрыт. Дания сейчас находится под властью Германии. Только один человек, претендовавший на то, что он представляет Данию, не признал нового датского правительства. Это был датский посланник в Вашингтоне. Он не мог об"явить войны Германии, но он дезавуировал действия созданного немцами правительства. Как быть с Данией? Нет сомнения в том, что если бы датчане были свободны, они были бы на стороне союзников.

Черчилль спрашивает, признали ли датчане независимость Исландии?

Тов. Сталин отвечает отрицательно.

Черчилль не думает, что между Исландией и Данией будут затруднения. Он согласен с Маршалом Сталиным Президентом в том, что на Конференцию должны быть допущены все те, кто об"явит войну до конца февраля.

Тов. Сталин замечает, что с Данией можно подождать.

Рузвельт присоединяется к этому мнению.

Черчилль заявляет, что Дания будет участвовать в организации безопасности, когда получит возможность говорить от своего собственного имени. Черчилль думает, что немцы жестоко обошлись с Данией.

Тов. Сталин замечает, что датчане все-таки впустили немцев в свою страну.

Рузвельт предлагает утвердить доклад министров иностранных дел целиком с поправкой в том смысле, что на Конференцию приглашаются Об"единенные Нации, которые об"явили войну против общего врага до 1 марта.

Тов. Молотов спрашивает, не будет ли облегчено включение советских республик в число членов-учредителей, если они подпишут Декларацию Об"единенных Наций до 1 марта?

Тов. Сталин заявляет, что они обязаны подписать Декларацию.

Рузвельт отвечает, что лучше было бы ограничиться принятием списка тех стран, который был вручен Стеттиниусом Молотову. Можно добавить к этому списку еще Турцию, если она об"явит войну общему врагу до 1 марта.

Тов. Молотов спрашивает, каково мнение Конференции о подписании Белоруссией и Украиной Декларации Об"единенных Наций до 1 марта?

Рузвельт заявляет, что уже принят тот пункт решения министров иностранных дел, в котором говорится, что на Конференции Об"единенных Наций три державы будут рекомендовать включение советских республик в число членов-инициаторов.

Черчилль замечает, что ему кажется не совсем логичным приглашать на Конференцию все малые страны, которые почти ничего не сделали для победы и только теперь, в последний момент, объявили войну, и в то же время откладывать приглашение двух советских

республик. Жертвы, принесенные Белоруссией и Украиной, известны. Он, Черчилль, думает, что если эти две республики подпишут Декларацию Об"единенных Наций, то их следует пригласить.

Тов. Сталин говорит, что может случиться так: соберется конференция, на ней будет сделана рекомендация пригласить советские республики, но кто-нибудь встанет и скажет, что они не подписали Декларацию Об"единенных Наций. Поэтому, было бы лучше, если бы советские республики подписали Декларацию теперь. Иначе как же их можно рекомендовать? Тов. Сталин не хотел бы затруднять Президента, но он все-таки просил бы его об"яснить, в чем тут дело? Если принятие советского предложения создало бы для Президента какие-либо осложнения, он готов снять свое предложение.

Рузвельт отвечает, что это технический вопрос, но тем не менее важный. Речь идет о том, чтобы согласиться на предоставление трех голосов Советскому Союзу.

Тов. Сталин спрашивает, не помешает ли приглашению Украины и Белоруссии тот факт, что они не подпишут Декларацию Об"единенных Наций до 1 марта?

Рузвельт отвечает отрицательно.

Тов. Сталин заявляет, что в таком случае он снимает свое предложение. Тов. Сталин лишь хотел бы вставить названия республик — Украина и Белоруссия — в текст решений министров иностранных дел.

Рузвельт и Черчилль дают на это свое согласие.

Вопрос о Думбартон-Оксе считается исчерпанным, и Рузвельт переходит к польскому вопросу. Он спрашивает Молотова, имел ли он время изучить американские предложения по этому вопросу, изложенные в записке Стеттиниуса?

Тов. Молотов отвечает утвердительно.

Черчилль говорит, что если ему будет разрешено, то он хотел бы предварительно заявить, что изучил результаты вчерашнего совещания министров иностранных дел и одобряет их.

Рузвельт заявляет, что в вопросе польских границ у делегации США не имеется возражений против первого пункта советских предложений. Делегация США согласна также с предоставлением Польше компенсации за счет Германии, а именно Восточной Пруссии

к югу от Кенигсберга и Верхней Силезии вплоть до Одера. Однако, Рузвельту кажется, что перенесение польской границы на Западную Нейсе мало оправдано. Что касается вопроса о польском правительстве, то Рузвельт хотел бы предложить, чтобы Молотов, Гарриман и Керр были уполномочены вести в Москве переговоры с Берутом, Осубка-Моравским, Сапегой, Витосом, Миколайчиком и Грабским о создании нового правительства на следующей основе: сначала должен быть создан Президентский Совет в составе трех лиц, возможно, Берута, Грабского и Сапег. Президентский Совет будет представлять власть президента в Польше. Этот Президентский Совет займется созданием правительства из людей, имеющих в варшавском правительстве, из демократических элементов внутри Польши и за границей. Созданное таким образом временное правительство даст обещание провести выборы в учредительное собрание, которое выберет постоянное правительство Польши. Когда будет создано временное польское правительство национального единения, то наши три правительства его признают. Рузвельт думает, что его предложение близко к предложению Молотова.

Тов. Молотов спрашивает, предполагается ли, что в указанном случае будет ликвидировано лондонское правительство?

Черчилль и Рузвельт отвечают утвердительно.

Черчилль говорит, что, когда будет создано временное польское правительство национального единения, британское правительство откажется от признания польского правительства в Лондоне и аккредитует своего посла при новом правительстве.

Тов. Сталин спрашивает, останется ли после того национальная собственность Польши, которой сейчас распоряжается польское правительство в Лондоне, в руках Арцишевского или она будет передана новому польскому правительству?

Рузвельт отвечает, что собственность Польши, находящаяся за границей, автоматически перейдет к новому польскому правительству.

Черчилль замечает, что он не знаком с юридической стороной дела, но думает, что президент прав.

Далее Черчилль заявляет, что британская делегация подготовила альтернативный документ по польскому вопросу, который

был передан русским друзьям. Но, так как дискуссия началась по документу Президента, то Черчилль готов продолжать ее в том же плане. Он только хотел бы предупредить, что в надлежащий момент он сделает устно некоторые замечания по документу Президента.

Тов. Молотов говорит, что он хотел бы высказать несколько соображений по предложениям Черчилля и Рузвельта. Предложения советской делегации исходят из определенного положения, что целесообразно вести переговоры о создании нового польского правительства на базе пополнения существующего польского правительства. Было бы неправильным игнорировать тот факт, что в Польше уже существует правительство и что оно находится в Варшаве. Это польское правительство пользуется огромным авторитетом в польском народе. Это правительство польский народ приветствует с энтузиазмом. Если мы выступим, говорит тов. Молотов, с предложениями Рузвельта и Черчилля, то поляки могут с ними не согласиться. Наоборот, если будут приняты советские предложения и если мы начнем с того, что нынешнее правительство должно быть расширено и пополнено, то успех обеспечен. Те люди, которые являются членами временного польского правительства в Варшаве, тесно связаны с национальными событиями в Польше. Ясно, что этого нельзя сказать о Грабском, Миколайчике и Витосе. Они не участвовали в решающих событиях Польши. Если мы хотим найти базу для соглашения, то нужно исходить из того, что нынешнее польское правительство должно быть расширено. Вопрос о том, сколько новых членов и кто именно должны быть в него введены, — особый вопрос, который будет обсужден между нами. Это, конечно, очень трудный вопрос, и решение его будет зависеть, прежде всего, от тех людей, которые работают в самой Польше. В предложении Президента имеется новая мысль о том, чтобы заключить соглашение не только о правительстве, но и о президентском совете. Молотов боится, что если пойти по пути, предложенному Президентом, то вместо одной трудной проблемы у нас будут две трудных проблемы. Ему кажется, что в результате трудности увеличатся, а не уменьшатся... Между тем, существует Крайовая Рада — законный орган, который тоже может быть расширен. Поэтому, Молотов предлагает рассмотреть вопрос о том, как расширить Крайовую Раду в Польше. Конечно, Крайовая Рада и Временное Правительство — временные органы, но все три

предложенные проекта имеют одну общую цель — возможно скорее провести выборы, которые позволят создать постоянные органы управления.

Теперь вопрос о границах. По первому пункту достигнуто полное согласие. По второму пункту — о западной границе Польши, нет единого мнения. Молотов знает, что сами поляки и их правительство в этом вопросе настроены решительно. Можно спросить поляков, что они думают по вопросу о западной границе. Молотов, однако, не сомневается, что поляки выскажутся за линию, предложенную Советским Правительством. Далее несколько слов о предложении, чтобы Гарриман, Керр и Молотов вели переговоры об образовании нового польского правительства. Советская делегация согласна с тем, чтобы такое поручение было дано Гарриману, Керру и Молотову. Что касается лиц, участие которых было бы желательно в переговорах, то, насколько Молотову известно, варшавские поляки обычно выделяют для особо важных переговоров трех человек: Берута, Осубка-Моравского, Роля-Жимерского. По вопросу о привлечении поляков другой стороны вчерашнее предложение Рузвельта кажется Молотову подходящим. Он не исключает, что члены Временного Польского Правительства не захотят иметь дело с некоторыми лицами. Он не уверен, например, что они станут разговаривать с Миколайчиком. Отношение Временного Польского Правительства к Миколайчику сильно ухудшилось после прошлогодних переговоров с ним. Президент предложил вчера, чтобы из пяти намеченных им человек вызвать двух лиц. Молотов думает, что если в переговорах примут участие со стороны Временного Правительства три названных лица и два лица из списка, представленного Президентом, то можно было бы начать дело. Такое предложение представляется Молотову практичным и полезным.

Рузвельт спрашивает, имеет ли Молотов в виду сохранить Президентский Совет?

Молотов отвечает, что лучше было бы избежать Президентского Совета и расширить существующее Временное Польское Правительство. Молотов думает, что он, Гарриман и Керр могли бы обсудить вместе с тремя представителями Временного Польского Правительства и двумя представителями из другого польского лагеря вопрос о том, как расширить Временное Польское Правительство и каких

новых людей туда включить. Предложения, которые будут окончательно выработаны, пойдут на утверждение трех правительств. В заключение Молотов заявляет, что, развивая свои соображения, он исходил из проекта Рузвельта, поскольку Черчилль сказал, что он не имеет против него возражений.

Черчилль говорит, что у него имеются поправки к предложениям Рузвельта. Черчилль считает, что конференция в своей работе достигла решающего момента. Речь идет о вопросе, урегулирования которого ожидает весь мир. Если мы раз"едемся, продолжая признавать разные польские правительства, то все поймут, что между Великобританией и США, с одной стороны, и Советским Союзом существуют коренные разногласия. Это имело бы весьма плачевные последствия во всем мире, и это наложило бы на нашу Конференцию печать банкротства. Вместе с тем необходимо констатировать, что мы придерживаемся различных взглядов на основные факты или, по крайней мере, на некоторые из основных фактов. Согласно информации, имеющейся в распоряжении британского правительства, нынешнее Люблинское, а теперь Варшавское правительство не является таким, которое могло бы быть признано подавляющим большинством польского народа. Если бы мы отказались от польского правительства в Лондоне и оказали бы поддержку люблинскому правительству, то, поскольку можно судить, это вызвало бы протест всего мира, это вызвало бы протест всех без исключения поляков, находящихся за границей. У нас имеется польская армия, состоящая из поляков, находящихся вне Польши. Она храбро сражалась. Черчилль не верит, чтобы эта польская армия примирилась с люблинским правительством. Эта польская армия рассматривала бы, как измену, признание британским правительством Люблинского правительства и отказ от дальнейшего признания польского правительства в Лондоне. Как Маршалу Сталину и Молотову хорошо известно, он, Черчилль, не согласен с взглядами польского правительства в Лондоне и считает его действия неразумными. Однако, формальное признание нового польского правительства, созданного год назад, вызвало бы очень большую критику действий британского правительства. Люди стали бы утверждать, что британское правительство уже раньше полностью уступило Советскому Союзу по вопросу о восточной границе Польши и теперь капитулировало перед ним по вопросу о характере польского правительства.

Люди говорили бы, что британское правительство порвало с законным польским правительством, которое оно признавало в течение пяти лет войны. Люди говорили бы далее, что британское правительство не осведомлено о том, что происходит в Польше, что оно не знает взглядов поляков в самой Польше, что заявление Люблинского Правительства оно приняло за действительное выражение мнения польского народа. В результате британское правительство подверглось бы в парламенте обвинениям в том, что оно изменило делу Польши. Дебаты, которые в этой связи развернулись бы, были бы весьма достойны сожаления и отрицательно отразились бы на единстве союзников. По мнению Черчилля, советские предложения идут недостаточно далеко. Прежде чем Правительство Его Величества могло бы отказаться от своей нынешней позиции, а именно, от признания польского правительства в Лондоне и признать новое польское правительство, оно должно убедиться в том, что новое польское правительство достаточно полно представляет польский народ. Конечно, у британского правительства исчезли бы все трудности, если бы в Польше произошли свободные выборы на основе всеобщего голосования. Британское правительство приветствовало бы всякое польское правительство, которое появилось бы в результате этих выборов, и отвернулось бы от лондонского правительства. Британское правительство, однако, с большим беспокойством относится к тому, что будет происходить в промежуточный период до того, как станет возможным организовать выборы.

Тов. Молотов замечает, что переговоры в Москве, возможно, дадут положительный результат. Во всяком случае без поляков этот вопрос решить нельзя.

Черчилль подчеркивает исключительную важность того, чтобы Конференция прошла под знаком согласия. Поэтому необходимо терпеливо разобраться в польском вопросе.

Рузвельт заявляет, что, как гость с другого полушария, он констатирует наличие у всех участников совещания единого мнения: в Польше возможно скорее должны быть проведены всеобщие выборы. Рузвельта, однако, интересует вопрос, как будет Польша управляться в промежуточный период, до устройства свободных выборов?

Тов. Сталин говорит, что Черчилль жалуется на отсутствие у него информации о Польше и на невозможность получить ее оттуда.

Черчилль отвечает, что некоторую информацию он имеет.

Тов. Сталин констатирует, что, хотя Черчилль и имеет некоторую информацию, она не совпадает с информацией Советского Правительства.

Черчилль отвечает утвердительно.

Тов. Сталин заявляет, что, как он думает, Великобритания и Соединенные Штаты могут иметь информаторов в Польше. Переходя далее к руководителям варшавского правительства, он говорит, что популярность Берута, Осубка-Моравского и Роля-Жимерского в польском народе действительно громадна. Что является основой этой популярности? Прежде всего то, что они не покидали своей страны во время оккупации. Они находились в занятой немцами Варшаве, работали в подполье и вышли из подполья. Это импонирует польскому народу, который, естественно, сочувствует людям, не покинувшим его в трудную минуту. Руководители варшавского правительства не гении. Возможно, что у Арцишевского есть более умные люди. Однако, польский народ не любит людей Арцишевского, так как он не видел их в своей среде в тяжелые годы оккупации. Такой взгляд может быть примитивен, но надо считаться с психологией народа.

Второй важный факт, создавший популярность руководителям варшавского правительства, вытекает из побед Красной Армии. Советские войска двигаются вперед и освобождают Польшу. Это производит большой переворот в сознании польского народа. Известно, что поляки не любили русских, так как русские три раза участвовали в разделе Польши. Однако, наступление Красной Армии и освобождение ею польского народа от гитлеровской оккупации совершенно перевернули настроение поляков. Их неприязнь к русским исчезла, вместо неприязни пришло чувство совсем иного порядка: поляки рады тому, что русские гонят немцев, что польское население освобождается, и у них появляется доброе отношение к русским. Поляки — таково впечатление товарища Сталина — считают, что сейчас они переживают великий национальный праздник своей истории. И вот поляки удивлены, что

люди из польского правительства в Лондоне не принимают участия в этом торжестве. Поляки спрашивают себя, почему они видят на празднике членов Временного Польского Правительства, и почему не видят лондонских поляков? Это, конечно, подрывает авторитет польского правительства в Лондоне.

Вот те два обстоятельства, которые лежат в основе огромной популярности членов Временного Польского Правительства. Можем ли мы не считаться с таким фактом? Конечно, не можем, если хотим учитывать волю народа. Таковы те соображения, которые товарищ Сталин хотел высказать в связи с вопросом об авторитетности людей из варшавского правительства.

Теперь об опасениях Черчилля, что участники Конференции могут раз"ехаться, не достигнув соглашения по польскому вопросу. Как тут быть? — спрашивает товарищ Сталин. У нас разная информация и разные выводы. Может быть, вызвать сюда поляков разных лагерей и выслушать их? Может быть, это увеличит нашу информацию? Черчилль недоволен тем, что Временное Польское Правительство не избрано. Конечно, лучше иметь избранное правительство, но до сих пор этому мешала война. Товарищ Сталин думает, что недалек уже день, когда выборы в Польшу смогут состояться. Но вот ведь во Франции правительство де Голля тоже не избрано, и в состав его входят разные элементы. Однако, несмотря на это, союзники имеют дела с де Голлем и заключают с ним соглашения. Почему нельзя также поступить с Временным Польским Правительством после того, как оно будет пополнено? Почему от Польши требовать большего, чем от Франции? Ведь Временное Польское Правительство имеет, во всяком случае, не менее широкую демократическую базу, чем правительство де Голля. Французское правительство еще не провело никаких реформ, а польское правительство осуществило аграрную реформу, и это создало ему популярность. Еще неизвестно, кто пользуется большим авторитетом у себя в стране — Берут или де Голль? Товарищ Сталин уверен, что, если подойти к польскому вопросу без предубеждения, то его можно успешно разрешить. Положение не так трагично, как его рисует Черчилль. Если не придавать излишнего значения второстепенным вещам и сконцентрировать

внимание на главном, то можно найти выход. Товарищ Сталин считает, что легче реконструировать существующее Временное Польское Правительство, чем создавать совсем новое. Молотов в этом отношении прав. Что касается вопроса о Президентском Совете, то на эту тему нужно было бы поговорить с самими поляками. Самолюбие польских деятелей в Польше в результате освобождения их страны поднялось очень сильно, они ведут себя гордо. Если мы не заслушаем их, — они скажут, что мы оккупанты.

Рузвельт спрашивает, когда будет возможно проведение свободных выборов в Польше?

Тов. Сталин отвечает, что выборы могут состояться через месяц, если не произойдет какой-либо катастрофы на фронте, если немцы не побьют союзников, а тов. Сталин надеется, что немцы не побьют союзников.

Черчилль заявляет, что разумеется, свободные выборы успокоили бы умы в Англии. Британское правительство поддержало бы новое правительство, и все остальные вопросы отпали бы. Конечно, мы не можем просить ни о чем, что мешало бы военным операциям советских войск. Эти операции должны стоять на первом месте. Но если бы оказалось возможным через 2 месяца провести выборы, то создалась бы совершенно новая ситуация, и никто не мог бы этого оспаривать.

Рузвельт рекомендует передать обсуждаемый вопрос на рассмотрение министров иностранных дел.

Черчилль с этим соглашается и добавляет, что он хотел бы поставить один небольшой вопрос. Было бы весьма полезно, если бы можно было договориться о регулярных встречах трех министров иностранных дел с целью консультации через каждые три-четыре месяца, поочередно в каждой из столиц.

Тов. Сталин говорит, что это было бы правильно.

Рузвельт заявляет, что это хорошее предложение. Однако, Стеттиниус должен также заниматься делами Южной Америки. Поэтому Рузвельт считает, что встречи министров иностранных дел могли бы происходить по мере необходимости, без фиксации точно определенных сроков.

Черчилль предлагает, чтобы первая встреча состоялась в Лондоне.

Тов. Сталин отвечает согласием.

Далее тов. Сталин говорит, что он хотел бы поставить один небольшой вопрос. В Югославии почему-то задержалось образование единого правительства. В чем тут дело? Тов. Сталин хотел бы также узнать, что происходит в Греции? Он отнюдь не собирается критиковать британскую политику в Греции...

Черчилль, прерывая тов. Сталина, заявляет, что он очень благодарен ему за сдержанность, проявленную советской стороной во время греческих событий.

Тов. Сталин, продолжая, говорит, что он просил бы Черчилля просто информировать нас о том, что происходит в Греции?

Черчилль отвечает, что ему пришлось бы очень долго рассказывать о Греции, и он боится, что этот рассказ испортил бы вкус к предстоящему обеду у Маршала Сталина (в тот вечер тов. Сталин давал обед английской и американской делегациям).

Тов. Сталин соглашается отложить вопрос о Греции до другого раза.

Черчилль заявляет, что югославского короля убедили, или может быть отчасти заставили, подписать декрет о регентстве. Шубашич и другие члены югославского правительства должны были уже уехать в Югославию и по прибытии их туда будет создан Регентский совет, то-есть будет осуществлено соглашение Тито-Шубашич. Однако, у Черчилля имеются две небольшие поправки, которые улучшили бы это соглашение. Черчилль надеется, что Маршал Сталин их одобрит, и любезное слово от Маршала Сталина к Маршалу Тито обеспечит осуществление соглашения. Как бы то ни было, но декрет о регентстве королем подписан, и правительство выезжает из Лондона, как только позволит погода. Все пойдет в соответствии с соглашением, в особенности, если в него будут включены две небольшие поправки.

Тов. Сталин отвечает, что Маршал Тито сейчас "задрал нос". Он популярный человек в Югославии. Он иногда брыкается, когда ему дают советы.

Черчилль обещает представить Маршалу Сталину информацию о положении в Греции, куда недавно ездил Ситрин. Впрочем, Чер-

чилль еще не получил доклада Ситрина. Черчилль благодарен Маршалу Сталину за интерес, который он проявляет к греческим делам.

Тов. Сталин вновь заявляет, что мы не имеем намерения вмешиваться во внутренние греческие дела, и только хотим знать, что там происходит.

Записал

Павлов

(В. Павлов).

Редактировал И. М. Майский.

252м.
w 448-ay

Секрет
№ 1000
по делу т. Сталина
Зам. нар. ком. В. Павлов
И. М. Майский
19. 10. 1944